

ВИЛЬГЕЛЬМ ЗАВОЕВАТЕЛЬ.

Вильгельм был потомок Рольфа, или Роберта, герцога Нормандского, о котором рассказано в предыдущей статье. Отец Вильгельма умер в Иерусалиме, куда, по обычаю того времени, отправился на богомолье, а управление страной, до совершеннолетия сына, поручил нормандским баронам. Когда Вильгельму исполнилось 15 лет, его привезли из Парижа, где он оканчивал воспитание, и сейчас же посвятили в звание рыцаря. Этот важный обряд происходил следующим образом: старый, седой воин дал ему в руки меч и надел на него блестящее вооружение. Высокий рост, мужественное лицо, смелость и отвага молодого рыцаря восхищали всех баронов, собравшихся на это торжество. Вильгельм так ловко попадал и так смело отбивал удары противника, как самый опытный боец. Испытание закончилось пиром. Молодой герцог серьезно занялся делами своей страны. Он водворил в ней порядок, тишину, а гордых и буйных баронов заставил смиренно сидеть в своих

замках. Потом он задумал жениться, для чего отправил посольство к одному из богатейших вассалов Франции, по имени Балдуину, у которого была дочь, красавица Матильда. Балдуин прислал герцогу самый обидный отказ. Тогда он придумал другой способ сватовства, еще нигде не виданный и неслыханный. Тайно пробрался в столицу Балдуина, вошел в соборную церковь, и в то самое время, когда народ стал расходиться после службы, бросился на Матильду, избил ее до полусмерти и мигом, вскочив на коня, умчался домой. Матильда, придя в чувство, твердо объявила отцу, что ни за кого не пойдет замуж, кроме герцога, и граф поневоле согласился.

В 1065 г. умер бездетный король Англии, завещавший свою корону Вильгельму, в благодарность за то, что он помогал ему отбиваться от датчан. Они были сродни между собой. Пока герцог собирался ехать в Англию, англичане выбрали себе королем Гаральда, брата покойной королевы. Кроткий и мужественный Гаральд был больше по сердцу англичанам, чем ненавистный норман, чужеземец и давний враг их родины. Англичане поспешили короновать Гаральда по обычаям старины. Они надели на него золотую корону, подали на блюде позолоченный скипетр, а один из старейших вельмож поднес острую секиру. Гаральд любил свой народ, и все обещало, что его царствование будет самое счастливое; но вышло иначе.

Вильгельм, узнавши об его избрании, тотчас отправил в Англию послов, которым велел напомнить королю его клятву, данную при святых мощах. Нужно сказать, что за несколько лет перед этим, когда был еще жив старый король, Гаральд попал в плен к одному из нормандских баронов, который перепродал его Вильгельму. Герцог держал Гаральда в большой чести, но домой не отпускал, пока не заручился от него клятвой, что он, Гаральд, будет помогать герцогу сделаться королем Англии. Вильгельм вел это дело очень ловко: велел собраться всем баронам, принести из церкви св. мощи и, когда все было готово, привел Гаральда и велел

читать присягу. Скромный юноша согласился на все и только после этого получил свободу. Вот теперь Вильгельм и напоминал ему об этом.

Английский король прислал ответ, что он дал подневольную клятву и теперь не признает ее. Вильгельм, получивши такой ответ, стал готовиться к войне. Прежде всего он послал за благословением к папе, потом призывал по одиночке каждого из своих вассалов и уговаривал их помочь, обещая одному большие поместья в Англии, другому—выгодную женитьбу, третьему — добычу, одним словом, что кому больше нравилось. Все вассалы согласились участвовать в походе; духовенство обещало дать деньги; купцы—помогать товаром, а земледельцы — продовольствием. В то же время Вильгельм огласил свой поход по всей Европе и вызывал охотников, предлагая большое денежное жалованье и участие в добыче каждому здоровому человеку, который явится к нему с мечем и копьем или с луком. На бранный клич явились тысячи головорезов, готовых идти куда угодно и за кем угодно, лишь бы была надежда на поживу.

Весна и лето прошли в приготовлениях, каких давно не видела Европа. Во всех гаванях Нормандии работа кипела с утра и до поздней ночи: плотники рубили корабли; кузнецы и оружейники изготавливали копья, мечи, кольчуги; чернорабочие переносили изготовленное оружие и съестные припасы на корабли. В конце августа 1066 г. в устье р. Дивы, между Сенной и Орной, стояли 400 больших парусных судов и до тысячи транспортных, готовых отплыть; 60 тыс. войска, расположенного лагерем, ждало лишь попутного ветра, чтоб садиться на корабли. Но его, как нарочно, не было: проливные дожди, ненастье и холод продолжались целый месяц. Солдаты начинали роптать, и многие помышляли уже о возвращении на родину. Тогда герцог поскакал в городок Сен-Валери и распорядился принести оттуда раку с мошами св. Валерия. С громогласным пением и зажженными свечами обнесли эту раку вокруг всего

лагеря, потом поставили ее на аналой и прикрыли сверху святой хоругвью, которую прислал герцогу папа, в знак того, что передает ему корону Англии. Вид святых мошей и хоругви ободрили войско. Ночью появилась на небе хвостатая звезда. Часовые разбудили весь лагерь, и воины, видя в этом явлении счастливую примету, пришли в восхищение: «Сам Господь за нас!» кричали они: «Веди нас на Гаральда!» В Англии та же самая комета навела на всех уныние и страх: там ожидали большого кровопролития, пожаров и порабощения страны.

На другой день войска Вильгельма стали садиться на суда: герцог вступил на корабль последний. Герцогиня Матильда на свои деньги выстроила для него корабль, богато украшенный резьбой и позолотой; на носу этого корабля был выточен мальчик с золотым луком и такой же стрелой, которую он готовился спустить; на мачтах развевались шелковые разноцветные паруса. На другой день плаванья флот пристал к южным берегам Англии, в графстве Суссекс, недалеко от местечка Гастингса. Прежде всех сошли на землю стрелки из лука, в синих коротких кафтанах и с обстриженными волосами; за ними высадились рыцари, в кольчугах, больших железных шлемах, с длинными и прямыми, обоюдоострыми мечами, подвешенными у них сбоку. В одной руке рыцари держали большие овальные щиты с изображениями орлов, львов, драконов и разных других зверей, а в правой руке несли копья из легкого сухого дерева с стальным копьцом и маленьким флюгером на конце. По цвету этого флюгера можно было узнать, находится ли рыцарь на службе и у какого именно барона,—или же он сам себе хозяин. Рыцари выступали тяжело, неуклюже; вид имели суровый, страшный. Их могучие груди и шеи покрывали кольчуги, сделанные из маленьких четырех-угольных щитиков, связанных между собой; под кольчугой была надета толстая кожаная фуфайка. Поверх лат у богатых рыцарей спадал длинный плащ тонкого сукна, перехваченный поясом. По цвету пояса можно было узнать родину рыцаря. Железные

или стальные шлемы почти у всех были позолочены или посеребрены; спереди, на лицо, опускалось забрало, или решетка; вместо украшения, на шлеме торчали—у одного рога, у другого— звезда или орлиные крылья. Руки рыцарей были покрыты железными перчатками, а колени — особыми наколенниками. Почти всякий рыцарь имел еще при себе кинжал, чтоб заколоть сбитого противника, лук и запас стрел. За рыцарями слуги вели их лошадей, покрытых толстыми кожами, окованными железом. После слуг высадились на землю пионеры, плотники, кузнецы и чернорабочие. Они тотчас принялись выгружать три деревянных замка, или крепостцы, срубленные в Нормандии. Герцог Вильгельм вышел последним, и едва ступил на землю, как споткнулся и упал. Многие это видели и оробели. «Чему вы удивляетесь?» спросил герцог: Я обнял эту землю моими руками, и клянусь Божьим величием, что она будет ваша».—Войско ободрилось и пошло к Гэстингсу.—Тут герцог приказал прежде всего сложить оба замка, снести туда все продовольствие, а потом уж разбивать лагерь. Небольшие отряды нормандцев тотчас же разбрелись по окрестностям и принялись за грабеж; население прятало свое имущество и бежало с приближением врагов, стараясь укрыться в церквах и монастырях. Однако нормандцы не щадили и церквей. Герцогу не понравились такие бесчинства: он смотрел на Англию как на свою собственность, и потому строго запретил всякое насилие; он даже казнил нескольких ослушников на страх другим. Когда порядок был водворен, герцог взял с собой 20 всадников и поехал исследовать страну. Без всяких дорог и даже тропинок, зачастую через топи и болота, пробирались всадники, без пищи и питья, ночуя под открытым небом. Вильгельм всегда был впереди; не раз он обнажал меч, чтобы прочищать себе и спутникам дорогу через густой кустарник. Не у всех была такая богатырская сила, как у него; многие отстали от Вильгельма; другие бросали свои тяжелые шлемы и кольчуги; один рыцарь совсем изнемог: герцог нагрузил себе на спину все его доспехи и

таскал их двое суток. Он был так силен, что никто не мог натянуть его громадный лук, с которым он однако же справлялся, как с игрушкой. Наконец все они благополучно вернулись к войску, которое считало их уже погибшими. Велика была радость воинов, забравшихся на чужбину и доверивших свою судьбу отважному предводителю.

Король Гаральд был в это время болен, лечился от ран; но как только узнал о высадке нормандцев,—дал приказ своей армии немедленно собраться к Гэстингсу. Ему советовали опустошить страну и отступить к Лондону; король не послушал этого доброго совета. Ему хотелось поскорее покончить дело, и он надеялся застать своих противников врасплох. Но передовые разъезды Вильгельма вовремя известили герцога о приближении англо-саксов. Они, по старинному обычаю, укрепились на холмах, недалеко от Гэстингса, на месте, которое и до сих пор слывет под именем «побоища». Англо-саксов было не более 15 тысяч. По всей долине холмистого гребня они насыпали земляной вал, укрепили его палисадом и обнесли плетнем; сзади позиций простирался густой лес. Войска расположились возле своих знамен. Ночью на 13-е октября саксонские воины уже знали о предстоящей битве. Чинно ходили по рукам полные чаши; слышались воинственные песни, прерываемые веселыми криками и звоном мечей. В стане Вильгельма ратники готовили оружие; священники, проходя между рядами, благословляли воинов и прощали им грехи. На рассвете епископ города Бойе, родич Вильгельма, накинул рясу поверх панциря, отслужил торжественный молебен о даровании победы, а потом сел на боевого коня и принял начальство над своей дружиной. Вся армия Вильгельма была разделена на три части: в первой находились рыцари и наемники; во второй—союзные войска, как, например, бретонцы, а в третьей — одни лишь нормандцы, предводимые своим герцогом. Многочисленная легкая пехота, вооруженная луками или же большими, почти в рост человека, самострелами, расположилась впереди и по бокам всех трех линий.

Кроме больших, окованных железом, стрел, она могла кидать пули, камни и даже горючие вещества. За легкой пехотой стояла более тяжелая пехота, в железных шапках, чешуйчатом платье и с легким щитом, закрывавшим почти все тело. Наконец, за пехотой во всех трех линиях стала конница, самое надежное войско, оплот армии. На белом испанском коне, в полном вооружении и с опущенным забралом, выехал герцог в сопровождении молодого рыцаря, державшего священное знамя. Объезжая свои линии, герцог призывал воинов на брань, говоря: «Сражайтесь храбро; бейте всех! Если победим, вы будете богаты. Если я покорю государство, то — для вас. Я хочу отомстить англичанам за их вероломство, измену и причиненные мне обиды; за все хочу разом отомстить, и с Божьей помощью надеюсь, что они не избегнут наказания».—Затем вся армия двинулась на лагерь англо-саксов. Монахи отстали от войска и, поднявшись на ближнюю горку, остановились на молитву. Один нормандский рыцарь выскакал перед фронтом и запел воинственную песню, известную во всей Галлии, при чем он высоко подбрасывал свой меч и на лету ловил его рукой. Войско хором подтягивало его припевам, прибавляя еще возглас: «Бог нам помощь! Бог нам помощь!»

Между тем англосаксы стояли неподвижно за своими палисадами, прикрытые с фронта и с флангов сплошной стеной высоких щитов. Их суровые бритые лица, острые секиры о двух лезвиях, сомкнутый глубокий строй и тишина во фронте могли бы устрашить более робкого противника. Подойдя к лагерю на полет стрелы, арбалетчики Вильгельма открыли бой; но их стрелы впивались в палисады, не причиняя вреда. Тогда линия пехоты и рыцарей подступила к воротам, но была отбита секирами и отошла в беспорядке. Герцог собрал рассеянных стрелков и приказал им повторить наступление, стреляя этот раз навесно, чтобы стрелы могли вредить англосаксам хотя бы сверху. От этой уловки англичане потеряли много раненых; Гаральд лишился глаза, но с места не сошел и

продолжал отдавать приказания. Нормандцы бросились на укрепление вторично, с криком: «Матерь Божия, помоги нам! помоги!» И эта атака была отбита. Множество отбитых воинов столпилось над крутым оврагом, заросшим травой; туда срывались и пешие, и конные. В войсках Вильгельма началось смятение, и прошел слух, что он сам убит. Тогда герцог обнажил голову и поскакал навстречу беглецам: «Я здесь!»—кричал он во весь голос:— «Я здесь: здоров и цел! С Божьей помощью, мы победим!»—Так скакал он долго, пока не построил войско к новой битве. Все это время при нем оставался храбрый и верный епископ.

Еще раз ходили на штурм рыцари и вернулись разбитые. Тогда Вильгельм отрядил тысячу отборных всадников и приказал им притворным бегством выманить англо-саксов в открытое поле. Хитрость удалась. Англо-саксы, закинув через плечо секиры, рассыпались по полю, и в стремительном беге жаркой погони их встречают мечи и копья обернувшихся нормандцев; они повернули назад — здесь навстречу засада. Начался кровавый бой. Сдавленным саксам негде в тесноте размахнуть свои секиры; с великими усилиями они пробиваются в свой лагерь, но он уже занят: через пролом ворвались туда конные и пешие нормандцы. На валах укрепления завязался новый ужасный бой. Король Гаральд и его брат пали под ударами мечей, защищая свое знамя; вокруг них и дальше на валах росли кучи убитых. С наступлением ночи все уцелевшие англо-саксы рассеялись по полям и были истреблены на другой день поодиночке; спаслись только те, которые умели говорить по-нормандски: их пощадили. Тотчас после победы Вильгельм дал обещание построить на этом месте монастырь во имя св. Троицы и св. Мартина, покровителя гальских войск. Алтарю назначили стоять там, где было сокрушено знамя короля Гаральда. Вся окрестная страна должна была поступить в дар монастырю, названному «Аббатством битвы».

Победа при Гэстингсе решила судьбу Англии. Вильгельм по-

дошел к столице, окружил ее со всех сторон и грозил заморить голодом. Избранный королем вместо Гаральда его племянник, еще совсем юный и беспечный, как ребенок, первый заговорил о сдаче Лондона. Он сам явился в лагерь нормандцев и принял присягу на верность Вильгельму. У ворот столицы знатнейшие граждане ожидали победителя. Они поднесли ему городские ключи, представили заложников и поклялись в верности. В урюмом молчании смотрел народ на торжественное шествие врагов; горе и злоба душили его, но он не смел это высказать. У него не было силы сопротивляться чужеземцам, и он должен был спокойно смотреть, как наследник храброго Гаральда склонил голову перед его убийцей.

В день Рождества Христова Вильгельм короновался короной Англии и в скором времени стал поступать противно английским законам и обычаям этой страны. Корыстолюбивые победители требовали наград за свое участие в завоевании Англии: они отнимали силой имущество англо-саксов, павших в бою при Гэстингсе, забирали в лондонских лавках лучшие товары, перепродавали людей, как рабочую скотину: человек шел за 40 коп., за 70 к. в год; ремесленники и особенно оружейники—немного дороже. Король пользовался не менее остальных нормандцев, несмотря на то, что ему достались в наследство от прежних королей Англии целые груды золота, полторы тысячи замков и почти все главные города государства. Теперь он стал самым богатым и сильным из всех государей Европы. Вильгельм разделил всю Англию, кроме своего удела, на 700 больших и 60 тыс. малых участков, которые отдал нормандским баронам и простым воинам, обязав их нести за это военную службу и вносить денежную подать. Эта раздача земель положила начало нынешней богатой и гордой английской знати, но в то время еще покорной своему королю—завоевателю.

Первое время владычества нормандцев английский народ страдал молча, потому что не имел человека, способного вести его на смертный бой. Но вот забегали гонцы с одного конца Англии

на другой. И в хижине бедного пастуха, и в замке богатого владельца первое место уступали гонцу; ему клали лучший кусок, наливали большую кружку пива, и когда он передавал добрые вести, что там-то или там-то собираются борцы, то слушатели восторженно хватались за мечи и сами клялись умереть за родину. Скоро все узнали, что Эдвин Моркар и другие сподвижники саксонских королей подняли толпы смельчаков и, укрывшись с ними в неприступных трущобах, кружились, как шмели, вокруг войска. Они нападали быстро, неожиданно, отрезали небольшие отряды, истребляли врагов в одиночку; в случае появления больших сил, они исчезали бесследно, как будто проваливались сквозь землю. Это было не войско, а целый народ, с отчаянием и ненавистью искавший случая хоть чем-нибудь отомстить ненавистным чужеземцам.

Близ Кембриджа, на лесистом островке, собралось несколько отрядов из самых отважных бойцов. Они накопили ров, насыпали валы и из этого укрепления ежедневно делали вылазки на замки соседних нормандцев. Дошло до того, что владельцы стали пленниками в своих собственных замках: они не смели выехать даже на охоту. Те, кто решался на это, были беспощадно убиты или попадали в плен, откуда их можно было выкупить только за очень большие деньги. На сто миль кругом страна трепетала. Отважные предводители: Гируард, Моркар и Эдвин стали делать большие нападения, побивать королевские войска: каждая победа умножала запасы их оружия и продовольствия. Отягченные добычей, они возвращались в свое укрепление и наполняли склады про случай осады. Король Вильгельм сам двинулся против них во главе своих войск. По мере того, как он подходил, дороги становились непроходимее, болота—более топкими; на каждом шагу попадались засеки. Тяжелые всадники погружались в трясину; отряд должен был останавливаться и вытаскивать их поодиночке. Как только король обложил укрепление, тотчас приказал насыпать гати, но беспрестанные вылазки мешали работать. Тогда Вильгельм велел

выставить впереди рабочих старую и безобразную старуху. Она кривлялась, махала руками и напускала волшебные чары на лагерь англо-саксов. Те испугались и уже думали, что их дело пропало, но храбрый Гируард сделал немедленную вылазку, и в лесном пожаре сгорели не только старуха, но множество рабочих и воинов.

После шести месяцев осады работы нормандцев мало продвинулись вперед, но зато у осажденных продовольствие было уже на исходе. Это их и погубило. Между саксами нашлись изменники, которые, пробравшись в лагерь короля, вызвались указать скрытую тропинку; за эту услугу они требовали, чтобы им оставили все накопленное богатство и позволили бы спокойно дожить в каком-нибудь монастыре. Хотя все это и было обещано, но осталось неисполненным: взявши укрепление, нормандцы ограбили его дочиста и перебили всех обессиленных защитников. Один Гируард с горстью земляков успел пробиться в свой замок, где он долго еще оставался страшен своим заклятым врагам—нормандцам. Все недовольные и опальные находили у него в замке безопасный приют и вместе с ним нападали на проезжих путях, душили на ночлегах, на охоте в лесах и полях. — Это были последние попытки англо-саксов вернуть прежнюю свободу. Власть нормандцев утвердилась навсегда.

Могущественный и богатый король Англии был, однако же, несчастлив в делах семейных и кончил свой жизнь очень печально. Он проживал то в Англии, то в Нормандии, где находилась безвыездно его жена, Матильда. Старший их сын, Роберт, придя в возраст, потребовал у отца свое наследство, Нормандию, и, когда получил отказ,—поднял на него оружие. Отец и сын сошлись на поле битвы лицом к лицу и узнали друг друга. Вильгельм проклял сына. Болезненная и удрученная горем Матильда, узнав об этом, скоро скончалась. Это было единственное существо, которому покорялся гордый и самоуверенный король. После смерти королевы остался ее работы ко-

вер, в 50 арш. длиной. Она очень искусно вышила шелками не только все подвиги своего мужа, кончая битвой при Гэстингсе, но и разные случаи из его детства. По этим рисункам можно судить об одежде, вооружении и обычаях той далекой эпохи.

В последний год своей жизни Вильгельм поссорился с французским королем за то, что тот обозвал его «толстяком». Между ними началась война. Нормандцы ворвались в небольшой городок Мант и, по обычаю того сурового времени, сейчас же его подожгли. Король весело скакал по пожарищу, поощряя своих воинов разносить огонь. В одной из городских улиц его лошадь обожгла ноги и упала на кучу горящих головень. Король ударился животом о переднюю луку и с трудом поднялся. Совсем уже больного его отвезли в Руан, и здесь, на руках монахов, он умер 8 сентября, 1088 г. В своем предсмертном завещании король поделил владения между сыновьями, приказал отпустить всех пленных на свободу и пожертвовал большие суммы денег на церкви и монастыри; на церковь св. Марии, сгоревшую в г. Манте, вместе с двумя монахинями, король назначил особый вклад, так как считал свою смерть Божиим наказанием за попушение этого тяжкого греха.

